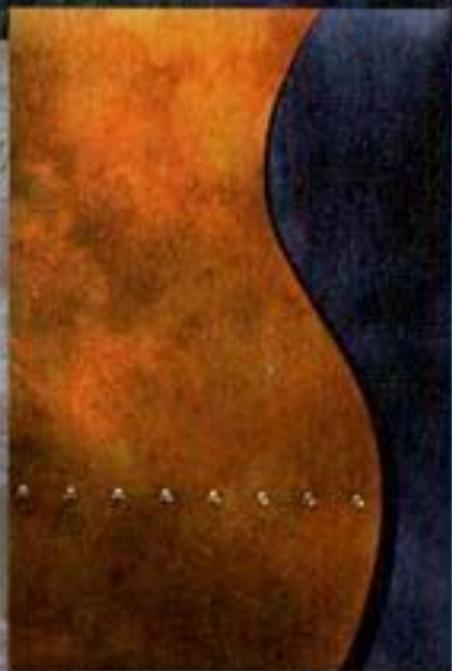

**ХУАНО
КОРТАСАР**

Сiesta вqбоем

Возьме тебе такое не приснится...

СТИЛЬ
НОВЫЙ

Хулио Кортасар

Сиеста вдвоем

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155994

*Хулио Кортасар «Сиеста вдвоем», серия «Новый стиль»: КРИСТАЛЛ;
Санкт-Петербург; 2002*

Аннотация

«Сиеста вдвоем» – коллекция избранных произведений классика мировой литературы аргентинского писателя Хулио Кортасара (1914 – 1984). В настоящем издании представлены наиболее характерные для автора рассказы, написанные в разные годы.

За исключением рассказов «Здоровье больных» и «Конец игры» все произведения печатаются в новых переводах, специально подготовленных для настоящего издания.

Все переводы, составившие книгу, выполнены Элой Владимировной Брагинской.

Содержание

Хулио Кортасар

Сиеста вдвоем

Когда-нибудь, во времени без горизонта, она, наверно, вспомнит, как тетя Адела ставила по вечерам эту пластинку, где пели то хором, то соло, вспомнит, как накатывала неясная грусть, когда голос звучал одиноко, то женский, то мужской голос, а затем снова согласный хор, и поют не разбери-поймешь о чем, зеленая этикетка со словами: *Nunc dimittis*¹, *Te lucis ante terminum*², это латынь – объясняет тетя Лоренса, они поют о Боге, о божественном, а она, Ванда, мучительно не понимает, почему ей делается грустно, так же, как у Тереситы, когда они вдвоем слушают пластинки Билли Холидей³, слушают и курят, потому что мать Тереситы в офисе, а папа занят делами или спит наверху, как положено в сиесту, и, значит, кури себе безо всяких. Голос Билли Холидей всегда приносил какую-то сладкую печаль, хотелось

¹ «Ныне отпускаеши...» (*лат.*). – Начальные слова молитвы Симеона Богоприимца. (Лука, 2, 25 – 32); читается или поется во время церковного богослужения за вечерней.

² «Пред закатом солнечным, тебе Создатель...» – начальные строки гимнов комплектория, соответствующего повечерию в православном богослужении.

³ Билли Холидей (1912 – 1959) – американская джазовая певица. Выдающаяся исполнительница блюзов.

лечь и плакать от счастья, и так хорошо вдвоем с Тереситой в ее комнате: закрытое окно, полно дыму от сигарет и поет сама Билли Холидей. Дома Ванде строго-настрого запрещали петь эти песни, незачем, Билли Холидей – негритянка, да еще умерла от наркотиков; тетя Мария чуть что, заставляла Ванду лишний час сидеть за пианино и разучивать арпеджио, а тетя Эрнестина, ей бы только возмущаться современной молодежью, начнет говорить – не остановишь. *Te lucis ante terminum* летело по гостиной, где тетя Адела шила, устроившись возле стеклянного шара, заполненного водой, который собирал – так красиво! – весь свет настольной лампы. Хорошо еще, что Ванда спала в комнате тети Лоренсы, в одной постели, и никакой латыни, никаких поучений – не кури, не водись с кем попало, тетя Лоренса, помолившись, гасила свет и какое-то время они говорили о чем придется, но чаще о Гроке ⁴, их любимой собаке, и Ванда, умиротворенная, засыпала, прячась от печали большого дома в тепле, возле дорогой тети Лоренсы, которая тихонько, почти как Грок, посапывала, свернувшись калачиком, ну в точности, как теплый лохматый Грок на коврикe в столовой.

– Тетя Лоренса, сделай так, чтобы мне не снился этот человек с искусственной рукой! – плакала Ванда ночью, очнувшись от страшного сна. – Ну сделай, сделай!

Однажды Ванда взяла и рассказала все Тересите, но та

⁴ Грок – сценическое имя швейцарского клоуна Адриана Ветташа (1880 – 1959); Грок в тех или иных ситуациях встречается в произведениях Кортасара.

– рассмеялась, а какой тут смех, вот тетя Лоренса совсем не смеялась, она утирала Ванде слезы, поила водой, все, все, успокойся, и постепенно отступали, куда-то проваливались страшные видения, какая-то смесь воспоминаний о прошлом лете и ночных кошмарах, человек, похожий на мужчин из альбома, который прятал отец Тереситы, яркая луна, глухой переулочек, где прямо к ней медленно движется этот человек в черном, подходит почти вплотную и смотрит в упор – очки в круглой металлической оправе, на лице тень от котелка, жесткая полоска губ, и вдруг перед ней его правая рука, Ванда бежит с диким воплем, спасаясь от чего-то ужасного, и... стакан воды, ласковый голос тети Лоренсы, – ну все, все, успокойся, детка, и медленное боязливое возвращение в сон, который длится чуть не до обеда, а потом тетя Эрнестина со слабительным, легкий супчик, уговоры, ахи-охи, снова их дом, снова *Nunc dimittis*, а потом – ладно, так и быть, сходи к своей Тересите, она конечно не внушает доверия, чего ждать при такой мамаше! Поди, еще научит нашу девочку каким-нибудь гадостям, ну хорошо, пусть развлечется, а то сидит-скучает, вон прежде девочки вышивали в сиесту, гаммы разучивали, а теперь.

– Знаешь, твои тетки не просто дуры, а с большим приветом! – сказала Тереса, протягивая ей сигарету, украденную из пачки отца. – Не повезло тебе с ними, киса. Надо же – слабительное! Нашли, что дать! Так подействовало или нет? Ой, слушай, вон что мне принесла Лола, здесь осенние мо-

ды! Нет, сперва посмотри на фотографии Ринго ⁵, прелесть, правда? А эта – в распахнутой рубашке? Видишь, какой волосатенький?

Потом Тересите захотелось узнать, что с ней все-таки было и поподробнее, а Ванда сбивалась, ну как ей сейчас говорить про это, если вдруг перед глазами – она бежит, несется, сломя голову, по незнакомому переулку, и это вовсе не сон, хотя все почти так же, как во сне, в самом его конце, а весь сон она забыла, проснувшись от собственного крика. Вот тогда, прошлым летом, она бы рассказала Тересите, если б не боялась, что та проболтается тете Эрнестине. В то лето Тереса еще бывала у них, и тетушки за столом – возьми сливочную помадку, съешь пирожок – выуживали у нее потихоньку все, что хотели, а потом вдруг разругались с ее матерью. Тереситу в дом больше не пускали, но Ванду к ней – время от времени, особенно, когда в доме гости, и без нее куда удобнее. Теперь Ванда могла бы рассказать все без утайки, только зачем? Все так – спуталось, перемешалось, ее страшный сон был в точности, как то, другое, вернее, наоборот, то другое, что случилось взаправду, стало частью ее страшного сна, и вдобавок все почему-то очень похоже на картинки из альбома у Тереситы, на те нарисованные улицы, где, как в ее ночном кошмаре – ни конца, ни начала.

– Тересита, приоткрой окно, а то ужас как жарко.

⁵ Ринго Старр (род. в 1940 г.) – английский музыкант, один из участников группы «Битлз».

– Ты в себе, дурочка? Мать сразу догадается, что мы курили. У моей Конопатой нюх, как у кошки. Тут соображать надо!

– Подумаешь! Не убьет же?

– А то! Ты пришла домой и ладно, пай-девочка. Ну прямо, как маленькая!

А разве Ванда маленькая? Зря Тересита нападает, да еще смеется. Конечно она к ней изменилась после того дня, когда было жарко до невозможности и они разговаривали о всякой ерунде, а потом Тересита показала ей *это*, и с той поры все стало по-другому, но она и теперь обращается с ней, как с маленькой, если не в духе.

– Никакая я не маленькая! – обиделась Ванда, выпуская дым через нос.

– Брось, не обижайся. Правда, жарко до ужаса. Давай разденемся и выпьем вина со льдом. Знаешь, что я тебе скажу? Это все из-за папиного альбома, ты насмотрелась – ют и снится. И это вовсе не искусственная рука, ну а во сне, там чего хочешь. Видишь уже какие!

Под блузкой не очень заметно, зато так – да, сразу – взрослая, даже лицо другое. А Ванде совестно раздеваться, ну где там грудь, так, чуть-чуть. Одна туфля Тересы летит к постели, другая – под софу. Ну конечно, он точно такой же, как те мужчины в черном, которые почти на всех картинках. Однажды, в сиесту, Тересита показала ей этот альбом, отец ушел по делам, и дом сразу стал таким тихим и пустынным, как те

дома и гостиные в альбоме. Подталкивая друг друга с нервным смешком, девочки поднялись наверх, куда их порой звали Тересины родители и там, в библиотеке, они, как взрослые, пили с ними чай. В такие дни и думать нельзя про сигареты, про вино и все такое, Конопатую не проведешь! А тут такой случай, в доме, кроме них – никого, и обе сразу поднялись наверх, толкая друг друга с криками и смехом, вот как теперь, когда Тересита толкнула Ванду, и она сразу плюхнулась на синий диванчик, а Тересита, согнувшись, сдернула трусики, стоит перед ней – голая, обе смотрят друг на друга, смешок странный, задышливый, и Тересита – ха, ха, ха! ты что, не знаешь? здесь тоже растут волосики, как у Ринго на груди. И у меня, – сказала Ванда – еще с прошлого лета.

У женщин в альбоме тоже волосы в этом месте и очень густые, женщины эти куда-то идут или сидят, или лежат на траве, а то и прямо в зале ожидания на вокзале (сдвинулись! – сказала Тересита), или, как они обе сейчас, – смотрят друг на друга большими глазами при полной луне, но на картинках луны не видно. Везде полнолуние, везде голые женщины, они идут навстречу друг другу, как слепые, будто ничего и никого не видят, будто совсем-совсем одинокие, а иногда какие-то мужчины в черных костюмах или серых плащах смотрят, как эти женщины ходят туда-сюда, а другие мужчины, все почему-то в котелках, рассматривают в лупу какие-то редкие камни или что.

– Ты права, – сказала Ванда, – он очень похож на этих ти-

пов из альбома, такой же котелок, очки, ну в точности, только у него рука и вот тогда...

– Да кончай про искусственную руку! Что, так и будешь сидеть? Сама ныла, что жарко, а раздеваться – я одна!

– Мне надо в уборную.

– А, поздравляю – слабительное! У твоих теток крыша поехала... Беги, заодно принесешь льда из кухни. Ой, нет, посмотри сперва, как на меня глядит Ринго, ах ты моя радость, нравится тебе мой животик? Ну-ка прижмись, прелесть моя, вот так, вот так, ой, фотку измяла, все, Лола меня убьет!

Ванда засела в туалете, ей не хотелось возвращаться, да и не бегать же без конца, чертово слабительное! А потом эта Тересита смотрит, будто перед ней так, соплюшка какая-то, и еще посмеивается ехидно, как в прошлый раз, когда показывала ей *это*. А Ванда, бедная, сама не своя, лицо пылает и хоть ты что, как в тот самый вечер, когда после *этого* все как-то переменялось, но если по порядку, то сперва тетя Адела разрешила ей побыть у Тереситы до вечера, – ладно, по крайней мере это рядом, у нас тесно, а мне надо принять директрису с завучем, ладно, так и быть, сходи к своей подруге, поиграете вдвоем, но смотри осторожно, оттуда – прямо домой, не вздумайте шляться по улицам с Тересой, ей только дай волю... А после они курили какие-то новые сигареты, которые Тересин отец оставил в ящике письменного стола – с золотым фильтром и запах странный. Вот тогда Тересита и показала ей *это*, тогда ли – не вспомнить, у них

вроде был разговор про альбом, нет, альбом – это, пожалуй, в самом начале лета, в тот день они были в свитерах, Ванда – в желтом, значит, никакое не лето, после не знали о чем говорить, поглядывали друг на друга, смеялись громче обычного, на улицу вышли почти молча и отправились прямо к вокзалу, но в обход, чтоб не мимо Вандино дома, тетя Эрнестина, она тут же засечет, хоть у нее директриса, хоть кто.

Они бродили по перрону с таким видом, точно пришли кого-то встречать, и перрон легонько подрагивал, когда проезжал поезд, расстилая по небу черный дым. И вот на обратном пути, перед тем, как разойтись по домам, Тереса, этак небрежно, бросила, чтоб, поосторожнее, и никому ни слова. А Ванда – ей бы поскорее забыть *это* – вся залилась краской, но Тересита – хи-хи, смеется, никто не должен знать, твои тетки почище моей мамочки, смотри не попадись, застукают – полный караул. Обе засмеялись, но потом все так и вышло, тетя Эрнестина поймала ее за *этим* во время сиесты, Ванда была уверена, что никто не войдет, сиеста, все пошли спать, лишь Грок позвякивает цепочкой во дворе, да жужжат осы, наверно, со зла на палящее солнце. Ванда едва успела натянуть простыню до подбородка, притворилась, что спит, но поздно! – тетя Эрнестина уже возле кровати, рывком сдернула простыню и молча уставилась на пижамные штаны, спущенные комком до колен. У Тереситы они закрывались на ключ, хотя Конопатая запрещала это строго-настрого. Тетя Эрнестина с тетей Марией тоже не велят закрываться, не дай

Бог – пожар, и несчастные дети погибают в пламени, но тут речь не о том, тут тетя Эрнестина с тетей Аделой стоят, как застывшие у постели, и Ванда делает вид, что ничего не понимает, но какое там! Тетя Адела чуть не вывернула ей руку, а тетя Эрнестина – раз, раз, раз! – по щекам. Ванда увертывалась, прятала голову в подушки, кричала сквозь слезы, я ничего плохого не делала, просто зачесалось и вот, а тетя Адела сняла тапочку и давай бить по заднице, бьет и держит ее за ноги, обе тетки орут наперебой – распутство, эта Тересита, нынешняя молодежь, вот она неблагодарность, кругом одна зараза, и про пианино, и про то, что не выпустят из дому, но больше всего про распутство, пока на крики и вопли не прибежала испуганная тетя Лоренса. И сразу все стихло, в комнате одна тетя Лоренса, она смотрит печальными глазами на Ванду, не успокаивает, не обнимает, но все равно – рядом любимая тетя Лоренса, которая ночью дает попить водички, прогоняет человека в черном, нашептывает на ухо, что больше не будет никаких страшных снов, никогда, никогда.

– Ты слишком много съела тушеной фасоли, я видела, на ночь нехорошо, ни фасоль, ни апельсины. Ну ладно, все позади, спи, я с тобой, значит, такое больше не приснится.

– Ну чего ты ждешь? Раздевайся! А-а, снова в уборную? Смотри, от тебя останутся кожа да кости. Нет, твои тетки совсем чокнутые!

– Зачем раздеваться? Вовсе не так жарко, чтобы, – сказала

Ванда в тот день, снимая с себя все.

– Ты же первая начала про жару. Давай лед и принеси стаканы, еще осталось немного сладкого вина, между прочим, вчера Конопатая посмотрела на бутылку и сделала лицо. Я-то понимаю – почему. Она не говорит ни слова, только делает лицо и знает прекрасно, что я знаю – почему. Слава Богу, отец ни во что не вникает, кроме своих дел. Да-а, правда, и у тебя волосики, но чуть-чуть, ты еще на вид маленькая девочка. Ладно, если дашь слово молчать, я покажу тебе кое-что в библиотеке.

Тереса обнаружила этот альбом совершенно случайно, книжный шкаф запирался на ключ – здесь, детка, у папы научные книги, тебе еще рано, ха, придурки, оставили однажды дверку приоткрытой, а там среди словарей и стояла книга, как бы запрятанная, чтобы никто не видел, и еще одна – по анатомии с картинками, совсем не такими, как в школьном учебнике, в этой все, ну все нарисовано, а когда она вытащила этот альбом, у нее сразу пропал интерес к анатомическим рисунками, потому что альбом, точно роман в фотографиях, странный-престранный и названия – вот жалость! – по-французски, отдельные слова понятны, а так – не разберешь: *La sérénité est sur le point de basculer*⁶. *La sérénité* – это покой, а *basculer* – поди знай, чудное слово, *bas*, – наверно чулки, *Las bas Dior*. У мамы это написано на пакете от чулок, но вот *euler* – не догадаться, и все женщины на картин-

⁶ Покой обманчив (*фр.*).

ках совершенно голые, или в одних юбках, или в прозрачных туниках, безо всяких чулок, наверное, что-то не то. Ванда тоже так подумала, когда Тересита показала ей альбом и обе хохотали до упаду, им нравилось быть вместе в часы сиесты, если в доме – никого.

– Ну зачем догола? Чего ты преувеличиваешь, ведь не так жарко, чтобы, – возразила Ванда, – да, я первая сказала, но ведь не для этого!

– Значит, не хочешь, чтобы мы были, как женщины в альбоме? – усмехнулась Тересита, вытягиваясь на диванчике. – Ну посмотри, по-моему, я в точности, как та женщина, знаешь, на той картинке, где все будто стеклянное, а по улице идет маленький человечек. Да сними трусики, дуреха. Одетая ты все портишь, неужели неясно?

– Я не помню на какой картине, – сказала Ванда, смущенно оттягивая резинку трусиков. – Нет, вроде помню, там прямо в небе горит простая лампочка, а в самой глубине – синяя картина с круглой луной. Все синее, да? Пойди-пойми, почему в тот день, когда они листали альбом, их особенно заинтересовала именно эта картинка, ведь на других ну черт-те что, полный бред, к примеру та, с названием Орфийе, в словаре сказано, что Орфей – покровитель музыки, и что он сошел в ад, но тут никакого ада, обыкновенная улица и красные кирпичные дома, чем-то похожие на те, что были в начале ее страшного сна, только дальше все уже иначе, там – переулок-тупик и мужчина с розовой искусственной рукой,

а здесь по улице мимо кирпичных домов вдет голый Орфей. Ванда, сперва не поняла, думала – голая женщина, но Тересита – хи-хи-хи, и ткнула пальцем в то место – смотри! Ну да, конечно мужчина, совсем молоденький, они долго разглядывали Орфея и недоумевали – а что это в саду за женщина, почему стоит спиной к нему и молния на юбке до половины расстегнута, разве в таком виде гуляют в садах?

– Да это какое-то украшение! – сообразила Ванда. – Вроде молния, но если присмотреться, то ли шов, то ли складка. И с чего этот Орфей нагишом идет по улице, да и причем тут женщина, зачем ей стоять спиной к нему, за оградой? Бредя-тина полная! Орфей похож на женщину – такие бедра, белая кожа, если б не эта штука, конечно.

– Давай поищем другую картинку, где *это* нарисовано по-лучше. – Сказала Тересита. – А ты хоть раз видела их голыми?

– Я? Откуда! – воскликнула Ванда. – Вообще-то знаю, но видеть – откуда! У них, как у мальчиков, только все побольше, как у Грока, но он же собака.

– Лола говорит, что если они влюблены, у них это становится длиннее раза в три и тогда бывает, ну... оплодотворение.

– Плодо-творение? Это, чтобы иметь детей?

– Ой, ты еще совсем дурочка. Посмотри-ка, здесь, похоже, та же улица, но уже две голых тетки. Интересно, с чего этот псих рисует голых теток? Знаешь, кажется, эти женщи-

ны незнакомы друг с другом, встречаются и каждая идет себе в свою сторону, просто обалдеть! Совсем голые на улице и ни один полицейский не остановит. Где и когда такое бывает? А вот, посмотри – мужчина, похоже, одетый, но за чем-то прячется в доме, только и видно – его рука и лицо. А на женщине вместо платья – ветки с листьями, нет, они того! Это точно!

– Больше тебе такое не приснится, – ласково говорит тетя Лоренса, поглаживая ее по волосам, – ни за что не приснится, спи, спи.

– Да, правда, у тебя тоже волосики, но чуть-чуть, – сказала Тересита. – Странно, ты еще, как маленькая. Дай мне прикурить. Да иди сюда, иди!

– Нет, ну нет! – кричит Ванда, пытаясь вырваться – Ну что ты делаешь, я не хочу,пусти!

– Вот дурочка! Подожди, я тебя научу. Да я ничего не сделаю! Не дергайся, сама узнаешь, как будет замечательно.

Ванду отправили спать сразу после ужина и ни одна из теток не подставила ей щеку для поцелуя. За ужином стояла мертвая тишина, словно все оцепенело, как на тех картинах, лишь тетя Лоренса, посматривая на нее, придвинула к ней тарелку с супом. После ужина слышались голоса с пластинки тети Аделы и они будто обвиняли ее, *Te lucis ante terminum*. Она твердо решила умереть и сладко плакала, воображая, что станет с тетей Лоренсой, когда та увидит ее мертвой, да все они будут раскаиваться, ведь она непременно

но покончит с собой, возьмет и бросится с крыши в сад или вскроет себе вены лезвием «жилетт», возьмет у тети Эрнестины, но не сейчас, сперва надо написать прощальное письмо Тересе и сказать, что она ее простила, а другое – учительнице по географии, которая подарила ей атлас в красивом переплете. Хорошо еще, что тетя Эрнестина и тетя Адела не знают, что они с Тереситой ходили на вокзал смотреть на поезда, что обе курят и пили вино, а главное, что в тот день, ближе к вечеру, она, возвращаясь от Тереситы, без спросу пошла другой дорогой, и к ней вдруг шагнул мужчина в черном и спросил про время, очень похоже на ее страшный сон (а может, и это только приснилось? Боженька милый, пусть лучше – приснилось!) да, в самом начале переулка, который упирается в стену, затянутую плющом, и она не сразу заметила, что мужчина держит правую руку в кармане, пока он не стал медленно вытаскивать ее, будто она там застряла. (Но может, все-таки – приснилось?) И рука будто из розового воска, с поджатыми пальцами, он ее тянет, мнет, а сам спрашивает – который час? который час? Ванда кинулась прочь, она почти не помнит, как бежала от человека, который хотел затолкать ее вглубь пустынного тупика. В памяти лишь ужас от этой искусственной руки и стиснутых губ, только этот миг, остальное куда-то провалилось, все, что до и *после*, как в те минуты, когда тетя Лоренса давала ей водички. А самое страшное, что нельзя сказать тете Лоренсе – это было по правде, по правде, нельзя, мало ли, а вдруг – нет, у нее все

путается в голове, даже *это* с Тереситой. И наверняка лишь одно: ее любимая тетя Лоренса – рядом, обнимает, успокаивает, прогоняя страшный сон, чтобы никогда, никогда больше.

– Ну, тебе приятно? – спрашивает Тересита. – А можно вот так, посмотри.

– Не надо, ну не надо! – молит Ванда.

– Да это еще лучше... В сто раз! Так делает Лола, и я теперь. Ну видишь, тебе же очень приятно. Ой, не ври, не ври! А хочешь, ляг здесь и сама, ты же знаешь как.

– Спи, детка, спи, – говорит тетя Лоренса, – нет, нет, больше не приснится.

Но выходит, над ней склонилась Тересита, глаза полузакрытые, будто вдруг обессилела, будто, показывая все это, совсем измучилась, и так стала похожа на незнакомую белолицую женщину из альбома, только Тересита намного моложе и смуглее, и Ванда, подумала о другой женщине из альбома, которая смотрела на пламя свечи в стеклянной комнате, и, вроде бы с неба, свисала обыкновенная лампочка, а та улица с зажженными фонарями и мужчина вдали на тротуаре, как бы проникали в эту комнату, были с ней одно целое, и так везде, на всех картинах, но самая непонятная картина называется «Девицы из Тонгра»⁷, ведь *demoiselles* по-французски значит девицы, барышни. И смотреть на Тересу, которая дышала все чаще, чаще, задышливо, все равно,

⁷ Тонгр или Тонгерен (*флам.*) – один из старейших городов Бельгии.

что смотреть на картину, где обнимаются девицы из Тонгре (наверно, название какого-то места, раз с большой буквы) – все в красных и голубых туниках на голое тело и у одной грудь обнажена, эта девица ласкает другую, обе с распущенными волосами в черных беретах, а эта, с обнаженной грудью, которая ласкает другую, водит пальчиком чуть пониже ее спины, точь в точь, как делает Тересита, и лысый мужчина в сером плаще – копия доктор Фонтана, к которому ее водила тетя Эрнестина, этот доктор, пошептавшись о чем-то с тетей, велел Ванде раздеться, ей тринадцать лет, у нее уже начались... Наверно, поэтому тетя Эрнестина привела ее к доктору, но может, не только поэтому, иначе он бы не смеялся так весело, когда говорил тете Эрнестине – Ванда слышала, – да ничего страшного, не надо преувеличивать, это бывает, потом стал слушать ее трубкой, посмотрел какие веки, его халат, хоть и белый, чем-то напоминал тот серый плащ у женщины на картинке, доктор велел лечь на кушетку и стал щупать внизу живота, а тетя Эрнестина отошла к окну, чего ей там смотреть, если на окне белые шторы, но тетя там стояла, пока ее не окликнул доктор. Ничего страшного, сказал, пустяки, и стал выписывать микстуру с сиропом от кашля и успокоительные таблетки, а Ванда – скорее одеваться. Все это чем-то похоже на ее ночной кошмар, потому что и мужчина в черном сперва был вежливым, улыбался, как доктор Фонтана, спросил только – который час, а потом вдруг возник тот переулочек, как в тот вечер, когда ей стукну-

ло в голову пойти домой в обход, нет, ей остается только одно – покончить с собой: броситься из окна или вскрыть вены лезвием «жилетт», но сначала она напишет письма Тересите и учительнице по географии.

– Ну ты дура-дурой! – ахнула Тереса. – Оставить дверь открытой, вот балда! Хоть бы соврала по-умному! Теперь твои старухи припрутся к Конопатой, это без вопроса, и все свалят на меня. Значит, от интерната не отвертеться, отец предупреждал.

– Выпей еще, – говорит тетя Лоренса, – ну вот, будешь спать до утра безо всяких снов.

Самое ужасное, что нельзя все рассказать тете Лоренсе, нельзя объяснить, почему она удрала после обеда от тети Эрнестины и тети Аделы и бродит, бродит по улицам, не зная куда деться. А в голове одно – немедленно покончить с собой, броситься под поезд. Шла и шла, озираясь: вдруг где-то здесь этот человек, вдруг, когда никого не будет, он подойдет и спросит – который час? а может, те голые женщины из альбома тоже ходили по этим улицам, может, тоже удрали из своих домов? Может, тоже боялись тех мужчин в серых шляпах или черных костюмах, как тот тип в переулке, но на картинках сразу много женщин, а она совсем одна, слава Богу, хоть не голая, и никто из женщин, вроде той, в красной тунике, не обнимает ее, не велит лечь, как Тересита или доктор Фонтана.

– Билли Холидей – негритянка и она загубила себя нарко-

тиками, – сказала Тересита, – у нее начались глюки и всякое такое.

– Глюки? А что это?

– Не знаю, что-то страшное, когда кричат, бьются в судорогах. Ой, правда, жарко до невозможности, давай разде-немся совсем.

– Не надо совсем. Жарко, но не так чтобы.

– Ты съела слишком много фасоли, – сказала тетя Лоренса, – на ночь нехорошо ни фасоль, ни апельсины.

– А можно вот так, посмотри, – говорит Тересита.

Но почему, почему перед глазами та картина, где по одну сторону узкой улочки деревья, а на другой – приоткрытая дверь первого этажа, и посреди улицы столик с зажженной лампой, днем, когда светло, ну бред собачий! «Да кончай про искусственную руку!», говорит Тереса. «Так и будешь сидеть все время? Ныла, что жарко, а как раздеваться, одна я!». Это она, Ванда, уходит на картине куда-то вглубь, волоча по земле темную тунику, а в дверях первого этажа стоит Тересита и смотрит на столик с зажженной лампой, не замечая, что в глубине улицы, у стены застыл мужчина в черном, стоит-не шелохнется, подстерегая Ванду. Но это же вовсе не мы, мелькает в голове у Ванды, это те взрослые женщины, что нагишом ходят по улицам. Нет, это не мы, это опять, как в дурном сне, вроде ты там, а на самом деле – нет, и тетя Лоренса обещала, что такое больше не приснится никогда. Позвать бы сейчас тетю Лоренсу, чтобы увела домой, не дала бросить-

ся под поезд и навсегда, навсегда прогнала этого человека в черном, который на картине, вон же опять подстерегает ее на углу, ну зачем было идти этой дорогой! – Прямо домой и не вздумай шляться по улицам! – сказала тогда тетя Адела. Да, тот самый в черном, который подошел, чтобы узнать – который час, а потом вдруг стал теснить ее вглубь переулка, где дома без окон, она пятится, пятится к стене, затаенной плечом, и нет сил кричать, молить о помощи, все как в том страшном сне, но сон каждый раз обрывался и рядом всегда тетя Лоренса, гладит по голове, успокаивает, ну хватит, хватит, выпей воды, и сразу все исчезало, расплывалось. И то, что случилось вечером в переулке, тоже, как в дурном сне – обрывками, провалом, потому что Ванда опрометью мчалась до самого дома, закрыла дверь на засов и велела Гроку – сидеть-стеречь! И никак не могла признаться тете Аделе. А теперь все повторяется – снова тот самый переулок, но ничего не обрывается: нельзя убежать, нельзя проснуться, человек в черном теснит ее к стене, и нет тети Лоренсы, никто ее не утешит, Ванда одна с этим человеком, который спрашивал тогда про время, вот он все ближе, ближе, она вжалась в стену, увитую плечом, а он больше не спрашивает – который час, его восковая рука что-то ищет у нее под юбкой и мужской голос шепчет в самое ухо: «Ну тихо, тихо, не плачь, давай сделаем, как тебя научила Тересита».

(Рассказ построен по мотивам картин бельгийского ху-

дожника-сюрреалиста Поля Дельво. 1897 – 1994).